

После ужина лекарь Чжоу увидел, что уже поздно, и не стал задерживаться. Чжоу Сяолэ как раз собирался идти к Чжоу Чуся подсчитать сегодняшнюю выручку; им было по пути с лекарем Чжоу, и они вышли вместе.

По дороге прежний смех и оживлённые разговоры сменились тишиной.

— Брат Лэ, ты что-то хочешь спросить?

Чжоу Сяолэ всё ещё колебался, стоит ли спрашивать, но, раз лекарь Чжоу сказал прямо, он больше не стал медлить.

— Чжоу-тайфу, болезнь моей старшей сестры... её правда уже нельзя вылечить?

Чжоу Сяолэ не знал, чем именно болела Чжоу Цинцин. Он думал, не врождённый ли это порок сердца, но сам врачом не был, так что это были лишь догадки. Только что на кухне он услышал их разговор и понял: Чжоу Цинцин, возможно, уже не сможет полностью поправиться, а может быть, ей даже осталось не так много жить.

На душе у Чжоу Сяолэ стало тяжело, и вместе с тем появилось горькое чувство: так и есть. Те, кто был ему близок, будто все оказывались недолговечны.

— Не то чтобы возможности совсем нет. У твоей старшей сестры врождённая слабость, болезнь, принесённая ещё из материнской утробы. Я прежде слышал, что за пределами заставы кого-то с таким недугом вылечили, но это только слухи. Правда это или нет, старик я подтвердить не могу.

— Если... если старшей сестре остаётся только так поддерживать здоровье, тогда... тогда...

Чжоу Сяолэ поджал губы. Он немного не хотел спрашивать. Лучше уж не знать, чем жить, отсчитывая дни.

Так будто начинается обратный отсчёт, и каждый день, один за другим, заранее пронзает сердце болью.

— Сердце должно быть спокойным, тревожиться ей нельзя. Самое главное - хорошо прожить нынешние дни, — сказал лекарь Чжоу.

Чжоу Сяолэ снова и снова прокручивал в голове эти слова. Они были уклончивыми, и он не хотел спрашивать, что именно они значат, да и не смел. Задумавшись слишком глубоко, он словно совсем ушёл в себя.

Чжоу Чуся посмотрел на Чжоу Сяолэ, явно рассеянного, нахмурился и спросил:

— Брат Лэ, что с тобой? Счёт не сходится?

— А? А? Какой счёт?

— Ты у меня спрашиваешь, какой счёт? Посмотри на счётную книгу у себя в руках, вот и увидишь, какой.

Чжоу Сяолэ посмотрел на Чжоу Чуся: тот надул губы и недовольно смотрел на него, но нахмуренные брови всё равно выдавали тревогу.

Чжоу Сяолэ пришёл в себя, протянул руку, ткнул Чжоу Чуся в щёку и с улыбкой сказал:

— По-моему, это ты собираешься счёты со мной сводить.

Чжоу Чуся одним движением шлёпнул его по руке. Ну почему он, как и его матушка, так любит тыкать его в лицо? Если щёки испортят, как он потом людям показываться будет?

— Ещё и болтаешь глупости. Значит, ничего серьёзного не случилось.

— Ничего серьёзного, — небрежно сказал Чжоу Сяолэ.

Он взял счётную книгу, постучал по ней и сказал:

— Этот счёт я уже свёл. Утром мы впервые вышли с лотком и заработали немало. Чанфэнь с яйцом продали восемьдесят порций, по шесть вэней за порцию - это четыреста восемьдесят вэней. Обычных чанфэнь - пятьдесят порций, двести вэней. Всего шестьсот восемьдесят вэней...

Он ещё не договорил, как Чжоу Чуся вскочил, лицо его было полным потрясения. Он глубоко вдохнул и неуверенно переспросил:

— Брат Лэ, ты... ты сказал, всего сколько вэней?

Чжоу Сяолэ сам испугался от его резкого движения, прижал стол руками, боясь, как бы тот не опрокинул его, а потом поднял бровь и улыбнулся.

— Угадай.

— Я... угадать?

— На самом деле... мы ничего не заработали, ещё и потеряли шестьсот восемьдесят вэней. В наше время деньги зарабатывать нелегко, а такой большой долг и не знаешь, когда выплатишь...

Сказав это, Чжоу Сяолэ ещё и тяжело вздохнул с самым серьёзным видом, будто вот-вот собирался продавать себя, чтобы вернуть деньги. Чжоу Чуся по его преувеличенному выражению наконец понял, что тот дразнит его, и сразу почувствовал: брат Лэ, пожалуй, был лучше в прежние времена, когда оставался глуповатым. По крайней мере, тогда он не обманывал его словами.

Чжоу Чуся в этот миг очень захотелось стукнуть его по голове.

Чжоу Сяолэ рассмеялся, но, боясь получить по голове, поспешно сделал серьёзное лицо:

— Брат Ся, на этот раз слушай как следует, не надо то и дело вскакивать от удивления. В будущем мы ведь люди, которые будут зарабатывать большие деньги и поднимать семью к богатству. Разве можно быть таким несдержанным?

Чжоу Сяолэ ещё и свалил вину на него, но Чжоу Чуся был простодушным: услышав такие слова, он сразу стал серьёзным и сел как следует, готовый внимательно слушать.

«...» Чжоу Сяолэ подумал, что сам и правда напрашивается на побои.

— Сегодня мы всего получили шестьсот восемьдесят вэней. Но отсюда ещё нужно вычесть расходы. Дикие овощи мы собрали сами, хворост тоже подобрали сами - на это денег не потратили. Рисовая масса сделана из нашего зерна, пока её не считаем.

— Деревянный ящик тоже сделан благодаря мастерству дяди Гуя. А вот яйца утром тётушка Сань-нян купила у соседей, на это ушло шестьдесят вэней. В городе вода для пароварки стоила десять вэней, место на рынке - восемь. Всего семьдесят восемь вэней. Если вычесть расходы, у нас остаётся шестьсот два вэня. Это чистая прибыль.

Едва Чжоу Сяолэ закончил, как раздалось «бум» - стол всё-таки перевернулся.

«...»

Молодой гэр впервые заработал деньги и не смог сохранить спокойствие. Это можно понять, можно понять. Шестьсот два вэня - по триста один вэнь на человека. Но с учётом того, что на ежедневную торговлю обязательно понадобятся деньги, Чжоу Сяолэ отложил по пятьдесят вэней с каждого как оборотные средства для лотка. Когда потратятся, снова отложат; счета будут сводить раз в семь дней. После того как каждый день будут откладывать деньги на расходы, оставшееся они станут делить поровну.

Но сегодня был первый день, особенный. Поэтому Чжоу Сяолэ, отложив деньги на расходы, сразу разделил остальное пополам.

Первый день всё-таки, пусть подержат деньги в руках и порадуются.

Чжоу Чуся не возражал. В счётах он не разбирался, что Чжоу Сяолэ скажет, то и правильно. Многолетняя дружба, полное доверие.

В итоге Чжоу Чуся получил двести пятьдесят шесть вэней, а Чжоу Сяолэ, потратив девятнадцать вэней на семена, в конце получил двести тридцать семь вэней.

Первый заработок есть.

□□*

На следующий день, ещё до того как пропели петухи, Чжоу Сяолэ уже поднялся. Когда он перемолол рисовую массу, небо только-только посерело, а петухи уже громко исполняли свой долг. Он покормил двух кур на заднем дворе приготовленными отрубями, взвалил на спину корзину и стал ждать Чжоу Чуся у дороги.

Вскоре фигура Чжоу Чуся показалась вдали и приблизилась. Он соскрёб грязь с подошв, поднял голову, пожелал Чжоу Сяолэ доброго утра и заодно достал две лепёшки, одну протянул ему.

— Матушка вчера вечером испекла. Утром я немного подогрел. Брат Лэ, ешь, пока горячая.

Чжоу Сяолэ взял лепёшку и откусил большой кусок. Вкус был действительно хорош. Они ели на ходу и шли к склону Мацяньпо. Ночью прошёл небольшой дождь, дорога ещё не высохла и всюду была грязь; пройдёшь немного, и снова приходится соскребать грязь с подошв. Они шли с остановками, перешли реку вброд и поднялись на склон. Там разошлись в разные стороны искать дикую зелень.

Чжоу Сяолэ шёл и собирал травы, постепенно забираясь всё глубже. Пройдя бамбуковую рощу и спустившись по следующему склону, он остановился. Впереди виднелась совсем узкая тропинка; ветки и сорняки вокруг были отогнуты и примяты, явно кто-то здесь ходил.

Его корзина уже почти наполнилась. Он ещё колебался, стоит ли пройти вперёд и посмотреть, как вдруг в траве впереди послышался шорох. Он мгновенно насторожился, опасаясь, что это змея, тигр или кабан. Всё-таки этот мир был не таким, как прежний: в глубокие горы люди заходили редко, и это была территория всякой живности.

Шорох становился то тише, то громче. Чжоу Сяолэ обеими руками крепко сжал мотыгу и неотрывно смотрел на травяные заросли, откуда доносился звук, чтобы в первый же миг успеть

замахнуться. Звук то появлялся, то замирал. Чжоу Сяолэ двигался в такт ему: когда шуршало - застывал, когда стихало - отступал.

Чжоу Чуся был у входа на Мацяньпо, а Чжоу Сяолэ уже миновал Мацяньпо и оказался перед входом в глубокие горы. Если сейчас закричать, он боялся спугнуть неизвестное животное. Пока он колебался, шуршание в траве становилось всё громче.

Чжоу Сяолэ поспешно отступил, высоко подняв мотыгу. Вдруг из травы вылетела белая тень. Он, сработав на чистом рефлексе, резко опустил мотыгу, и та с глухим ударом вонзилась в землю; по тому, как глубоко лезвие ушло в почву, было ясно, что Чжоу Сяолэ вложил в удар всю силу. Однако этот тяжёлый взмах не попал по зверьку. Зато сам зверёк от взмаха мотыги перепугался и повалился на землю, не двигаясь.

Чжоу Сяолэ присмотрелся - да это же жирный кролик!

Он протяжно выдохнул и только теперь заметил, что на задней лапе у кролика явная рана. Пока кролик только что бежал, на дороге даже осталось немного крови.

Кролики всегда умели притворяться мёртвыми. Придя в себя после испуга, Чжоу Сяолэ поспешно шагнул вперёд, схватил кролика за заднюю лапу и поднял. Наверное, рана болела слишком сильно: притворявшийся мёртвым кролик начал отчаянно биться. Кролик был крепкий и крупный, и Чжоу Сяолэ едва не выпустил его из рук. Всё его внимание было на том, как удержать кролика, поэтому он не заметил, что в траве снова раздался шорох, ещё громче прежнего. Когда он осознал это, из зарослей выскочил человек.

Они встретились взглядами и оба явно замерли.

Это оказался Сюй Гуань. За спиной у Сюй Гуаня висел лук и колчан со стрелами, в руке он держал кинжал. Увидев Чжоу Сяолэ, он даже подумал, что ошибся.

Его взгляд опустился на кролика в руке Чжоу Сяолэ, и он заметил: воспользовавшись тем, что Чжоу Сяолэ застыл, жирный кролик вот-вот вырвется. Сюй Гуань сделал несколько шагов вперёд, протянул руку, схватил кролика за загривок и рукоятью кинжала сильно ударил его по голове. Жирный кролик тут же потерял сознание.

По виду Сюй Гуаня сразу было понятно: этого жирного кролика подстрелил именно он. В прошлый раз, когда Чжоу Сяолэ встретил Сюй Гуаня, тот тоже был с почти таким же снаряжением и шёл в глубокие горы. Значит, Сюй Гуань и правда охотник?

Чжоу Сяолэ ничего о Сюй Гуане не знал, а в памяти прежнего владельца тела этого человека тоже не было, поэтому мог лишь судить по тому, что видел сейчас.

— Ты идёшь в глубокие горы охотиться? — спросил Чжоу Сяолэ, одновременно пытаясь

вытащить свою мотыгу.

После того удара она вонзилась так крепко, что теперь достать её было непросто.

— Да, — ответил Сюй Гуань.

Увидев, что Чжоу Сяолэ долго возится и всё никак не может вытащить мотыгу, он немного поколебался и подошёл. Ещё не успел открыть рот, как Чжоу Сяолэ уже отступил на шаг и с улыбкой сказал:

— Тогда придётся тебя побеспокоить, помоги.

Сюй Гуань кивнул. Он присел, подложил под рукоять камень, и, казалось, почти не приложив силы, легко поддел её назад - мотыга вышла.

Чжоу Сяолэ подумал: Сюй Гуань выглядит таким чистым и изящным, словно мягкий образованный книжник, а на деле сила у него немалая, да ещё он и охотник.

— В глубоких горах много зверья? Кабаны и тигры там водятся?

— Много. Кабанов и тигров можно встретить, если перевалить через две горы, — сказал Сюй Гуань, помолчал и добавил: — Деревня в безопасности.

Чжоу Сяолэ кивнул. Если до них две горы, за безопасность деревни можно не переживать.

Сюй Гуань увидел, что тот больше ничего не говорит, обратным движением вложил кинжал в ножны и собирался уходить.

— Кролик. Ты забыл своего кролика.

Чжоу Сяолэ увидел, что Сюй Гуань не поднимает лежащего на земле кролика, и решил, что тот забыл.

Но Сюй Гуань с недоумением посмотрел на него:

— Этого кролика поймал ты, значит, по праву он твой.

— Он просто случайно налетел на меня. Даже если бы он не столкнулся со мной, раненого кролика ты всё равно скоро догнал бы. Как это может считаться, что поймал его я?

Чжоу Сяолэ поднял кролика с земли и протянул Сюй Гуаню.

— Не возмёмь с собой, он очнётся и убежит.

Сюй Гуань машинально спрятал руки за спину. На лице у него появилось мучительное колебание, и он тихо пробормотал:

— Когда я стрелял... я вспугнул кролика, не попал, только задел.

Он указал на рану на задней лапе кролика.

— Вот здесь. Рана небольшая.

Чжоу Сяолэ посмотрел на небо. Если он ещё задержится, то выйдет торговать поздно. Сейчас ему совсем не хотелось препираться с Сюй Гуанем из-за одного кролика.

Подумав, он сказал:

— Я никогда не разделявал такую живность, как кролик. Сегодня ты возьми его домой и обработай, а позже дай мне одну кроличью ножку. Так можно?

Услышав это, Сюй Гуань поспешно кивнул, взял кролика и добавил:

— Дам половину.

Чжоу Сяолэ тут же развеселился. Он улыбнулся и кивнул, больше не отказываясь.

<http://bllate.org/book/17639/1661635>